

Оздоровление через банкротство — новая кризисная реальность?

Долгое время слово «банкротство» и все, что за ним стоит, вызывало у руководителей предприятий исключительно негативную реакцию. Однако сегодня, пусть и довольно медленно, приходит понимание, что эта процедура может не только не усугубить проблемную ситуацию, но и вернуть предприятию статус платежеспособного, — уверен кандидат экономических наук, председатель Совета НП СРО «Сибирский центр экспертов антикризисного управления» Игорь Гладков

Как предприятию, оказавшемуся в сложной экономической ситуации, сменить минус на плюс, и каков антикризисный потенциал процедур банкротства, эксперт рассказал «СДС».

— Игорь Владимирович, стало ли банкротство действительно процедурой оздоровления на службе у руководителя, оказавшегося в кризисной ситуации?

— Долгое время банки предпочитали самостоятельно списывать долги либо же решать вопрос с помощью службы судебных приставов. На процедуру банкротства в этом процессе приходился довольно малый процент: банки старались жить по принципу «лучше плохой мир, чем хорошая война». Но думаю, что в ближайшее время ситуация кардинально изменится, тем более благодаря внесенным изменениям в законодательство о несостоятельности упростилась процедура подачи заявления о признании должника банкротом для кредитных организаций. Теперь банки могут сразу при неоплате процентов более трех месяцев не просуживать задолженность, а подавать заявление на банкротство. Стоит заметить, что изменился минимальный порог задолженности — он вырос со 100 до 300 тысяч рублей.

Ввиду высокой закредитованности населения и законодательных изменений в отношении банкротства физических лиц в ближайшее время мы ощутим фактически нехватку арбитражных управляющих. В связи с этим банковское сообщество меняет свое отношение к институту банкротства, однако довольно невысокими темпами. Один из самых крупных игроков в кредитной сфере — Сбербанк России. «Сибирский центр экспертов антикризисного управления» — одна из семи организаций России, которая получила его аккредитацию.

Для понимания банкротства и его «оздоровительного» потенциала необходимо поговорить о его основных процедурах, следующих друг за другом.

На этапе наблюдения арбитражный управляющий на протяжении полугода проводит анализ финансового состояния должника. Существует расхожее мнение, что бизнес на этом этапе надо «сворачивать», что совершенно не соответствует

И. Гладков

действительности — из этой процедуры можно спокойно выйти с пониманием своих проблемных мест и точек роста.

На этапе внешнего управления, которое может длиться довольно длительный срок — более 18 месяцев, происходит передача полномочий руководителя должника внешнему управляющему, и, как правило, бывший руководитель остается работать в качестве исполнительного директора либо же советника. На это время блокируются штрафы предприятия, не начисляются проценты и пени по задолженностям, не конфискуется имущество. Внешний управляющий с целью восстановления платежеспособности предприятия договаривается со всеми кредиторами о реструктуризации долгов, увеличении поставок и других рабочих моментах. Производственный процесс на этом этапе также не прерывается.

В нашем регионе есть немало показательных примеров, когда прохождение через процедуру внешнего управления позволило предприятию поэтапно раздать долги и восстановить платежеспособность. Думаю, что процент возобновления жизнедеятельности компаний через внешнее управление будет увеличиваться

с каждым годом.

Если уж за этот период ситуацию выправить не удалось, осуществляется переход к конкурсному производству, которое проводится в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов из средств, полученных путем продажи в установленном порядке имущества должника. Хотя даже из этого состояния есть выход — путем заключения мировых соглашений или замещения активов.

— Можно ли говорить о том, что до тех пор, пока компании попадают в кризис, у арбитражного управляющего всегда будет работа?

— Мы предпочитаем говорить, что в кризисное время увеличивается объем работы арбитражных управляющих. 70 лет наша страна жила без института банкротства, практики цивилизованного решения споров между должником и кредитором как таковой нет. Встраивание же в этот процесс арбитражного управляющего значительно упрощает взаимодействие сторон, выводит его на иной уровень, поскольку находит не только причины проблемы, но и выход.

— На какой стадии развития сегодня вообще находится институт банкротства в России?

— Для того чтобы определить, где же мы сейчас, возьмем для сравнения две страны — Францию и Германию. Какими товарами славится Франция? Какие бренды? Утрируя, можно сказать, что это парфюм и вино. Касательно Германии на ум сразу приходят довольно известные мировые бренды: Bosch, Siemens, Mercedes, BMW. Эти примеры наглядно демонстрируют разные государственные подходы к институту банкротства. Если во Франции государство помогает банкроту, поддерживает его субсидиями и льготами, то в Германии к нему относятся гораздо строже: если ты оказался на грани банкротства, значит, нерадив и ленив, и тебе не место на рынке.

В российской практике по чуть-чуть «надергано» отовсюду. За 70 лет хозяйствования государства как единоличного собственника мы потеряли практику банкротства и существенно деформировали в этом контексте менталитет бизнеса. Поэтому сегодня приходится многие принципы отрабатывать уже на практике, по ситуации подстраиваясь под не всегда предсказуемый российский менталитет. Равно как и любую новую статью закона приходится апробировать на предмет «прижилась или нет».

— Какие законодательные изменения в сфере банкротства должны, на Ваш взгляд, последовать за уже реализованными?

— Я уверен, что законодателям не нужно бояться идти по пути ужесточения закона, поскольку длительное отсутствие института банкротства в жизни страны расслабило бизнес — нет страха наказания. К этому есть определенные предпосылки: сегодня серьезно ставится вопрос о субсидиарной ответственности учредителей компании по долгам. В суде должнику, который инициировал банкротство, все чаще могут заявить, что предприняты не все меры для того, чтобы рассчитаться по кредитам. При субсидиарной ответственности по долгам своим имуществом отвечают все — руководитель и учредитель, в том числе в отдельных случаях — государство.

Я считаю, что руководитель обязан осознавать, что за каждое действие или бездействие может понести реальную ответственность.

— Ваш зарубежный коллега — антикризисный управляющий Брайан Маршалл, отвечая на вопрос: что общего в историях крупнейших банкротств, отметил, что общая проблема — менеджмент, как алкоголик, находится в состоянии отрицания и не готов признать проблему. Применимо ли это и к России?

— В среде нашего директорского корпуса наблюдается схожая тенденция — решение проблемной ситуации в надежде на авось затягивается до состояния, когда уже в пору отправляться в морг.

У руководителей не всегда получается оперативно, как того требует действительность, перестраиваться на новые, кризисные рельсы. Стоит понимать, что иногда политическая и экономическая ситуации складываются таким образом, что от руководителей не зависит дальнейшая судьба предприятия, но выход всегда есть.

— Какую роль в итоге арбитражному управляющему сегодня приходится чаще всего выполнять: врача-врачевателя бизнеса, работника морга, что постфактум выясняет причину смерти, или же могильщика, провожающего в последний путь?

— На этапе наблюдения нас еще можно назвать врачом общей практики, который излечил больного верно выписанной таблеткой. При процедуре финансового оздоровления и внешнего управления арбитражному управляющему уместнее приписать роль реаниматолога. Именно на этих этапах от грамотных и экстренных действий специалиста зависит — выживет предприятие или нет. Конкурсное производство — это уже, скорее, морг. Хотя на каждой из этих процедур всегда есть возможность заключить мировое соглашение, ведь один из основных профессиональных принципов антикризисного управляющего — работа в интересах всех участников процесса: кредитора, должника и общества.

Елена ТАНАЖКО

Кризис приведет в Третейский суд

В условиях набирающего обороты кризиса в бизнес-среде наметилась тенденция более активного использования процедуры третейского разбирательства

Опрокризисных тенденциях, нашедших отражение в третейской практике, и новшествах в работе альтернативного судопроизводства «СДС» рассказал председатель Сибирского третейского суда **Михаил Морозов**:

— Первые кризисные проявления сопряжены с ростом третейских разбирательств в двух наиболее чувствительных секторах экономики — строительстве и оптовой торговле. В период с декабря по февраль эта тенденция проявилась довольно ощутимо: появилось большое число исков в связи с просрочками платежей. Если в стабильное время период просрочки мог достигать полугодия, то сейчас он сократился практически до месяца. Для нас увеличение числа таких разбирательств служит своеобразным индикатором того, что через какое-то время начнут «подтягиваться» и остальные сферы экономики.

Кроме того, в предкризисные времена появляется довольно любопытная категория дел — разбирательства в рамках одного холдинга. Проявляя «заботу» на случай дальнейшего ухудшения дел и возможного банкротства, менеджеры обращаются к третейским судьям с тем, чтобы заблаговременно оформить свои требования. Причем это явление больше характерно для собственников новой формации, возникших на рынке после 90-х.

М. Морозов

Обе тенденции говорят о том, что бизнес уже ощутил на себе финансовые проблемы, и полагаю, что к весне ситуация обострится.

— С чем связаны последние изменения в институте третейского судопроизводства?

— Попытки системных изменений, связанные с тем, что государство решило упорядочить сферу третейских судов и ввести нечто вроде лицензирования, практически зашли в тупик. Это объясняется тем, что профессиональное сообщество отнеслось к реформе в таком виде крайне негативно, и ситуация «замерла» на этапе отрицательного заключения на проект Правового управления президента. Новый документ Минюстом пока не представлен.

Реальные изменения заключаются в том, что третейские суды-«неоднородности» медленно, но все же объединяются и предпринимают попытки работать по заранее установленным стандартам. Кроме того, набирают обороты электронные разбирательства — использование видеосвязи и электронный документооборот. В связи с этим расширилась география сторон: если раньше Сибирский третейский суд в большей степени был региональным, то сегодня территориальный фактор постепенно размывается. К примеру, мы стали часто рассматривать споры между сторонами, не имеющими отношения к Новосибирску. Электронные средства значительно упрощают судебный процесс, экономя время и силы юриста, а значит — и деньги сторон.

— В чем плюсы третейского разбирательства именно в нынешних условиях?

— Если в арбитражных судах примерно 5% дел заканчивается мировыми соглашениями или отказом от иска, у нас эта цифра приближается к 15–20%. Обычно те, кто однажды прибегнул к третейскому разбирательству, при возникновении спорных ситуаций вновь возвращаются. И в кризис, я думаю, количество тех, кто решит познаться с таким явлением, как Третейский суд, а в дальнейшем на постоянной основе решать свои спорные ситуации, только возрастет.

**Сибирский третейский суд
630112, г. Новосибирск,
ул. Красина, 54 оф. 305.
Телефон: +7 (383) 363-04-55
E-mail: sibts@arbitrage.ru
www.sts.arbitrage.ru**